

Г.И. Марчук

ТРАГЕДИЯ НАУКИ

Все собравшиеся сегодня в этом зале волею судеб стали не просто свидетелями, но и участниками исторической драмы, в которой многим – я не исключаю и себя – слышатся трагедийные ноты.

В чём же драма и даже трагизм момента? Сегодня прекращает свое существование Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Та самая Академия наук, которая в бурях века спасла и сохранила сердце и душу российской науки. Та академия, которая помогла создать сотни научных школ у себя и в братских республиках, достигла выдающихся мировых результатов практически во всех областях знаний.

Сегодня от неё уже отсечены многие плодоносящие ветви. Это – научные сообщества, органически связанные с культурой древних цивилизаций Кавказа и Средней Азии. Это – наука братской Украины и Белоруссии. Теперь эти части некогда единого организма советской науки стали научными сообществами суверенных государств, и мы должны налаживать с ними отношения в рамках международного сотрудничества.

Советская наука обнаруживала высокую эффективность и удивительную жизнестойкость в очень сложной внутривосточной и международной обстановке потому, что она была целостной системой. Несмотря на слабости и структурные дефекты мы располагали единым фронтом научных исследований.

Сейчас наука всех суверенных государств бывшего СССР, включая Россию, скачкообразно становится структурно ущербной. Дай Бог, чтобы нам удалось компенсировать подобную ущербность интеграцией в мировое научное сообщество, достраивая недостающие звенья – но скоро и этого может не получиться, даже при самых благоприятных обстоятельствах, до которых весьма далеко.

Но главное – это процесс разрушения нашего научного потенциала как целостной системы. Надежды на то, что можно финансировать и спасти хотя бы одну её часть (например, только фундаментальную науку) – иллюзорны. Наука – единый живой организм, а не конгломерат автономных механизмов. К сожалению, концепции спасения отечественной науки, её выживания и возрождения нет ни у политиков, ни у научной общественности. Реальные драматические процессы заслонены новыми идеологическими мифами, утопическими прожектами и абстрактными суждениями.

Суть этих процессов проста. Отраслевая наука опорочена в глазах общества как часть ненавистной командной системы – взамен же пока ничего не предложено. А ведь речь идёт о громадном научно-техническом потенциале, миллионе учёных, многие из которых работали в режиме гражданского подвига. Имея скромные ресурсы, которые предоставило им общество, эти учёные часто добивались эффективности, немислимой в других странах мира. Лишить отраслевую науку средств существования оказалось просто – путем ликвидации министерств. В тяжёлом состоянии находится и наука в вузах, также лишившаяся государственной поддержки и социальной защиты.

По-иному развивались события в отношении Академии наук, хранительницы очага русской науки. Здесь объектом разрушения стал сам её уклад, который формировался 275 лет, а отнюдь не 75, как нас пытаются уверить. В условиях смуты достаточно надломить сердечник, а тело само развалится. Это стало общим методом развала всех основных элементов государственности. Через шестьдесят лет после 1929 г. была начата кампания против Академии наук СССР под теми же лозунгами и почти с той же фразеологией – полистайте сегодня статьи и выступления Кагановича или начальника комиссии по проверке Академии наук в 1929 г. Фигатнера. Так же, как и радикальные сталинисты, нынешние критики всего обвиняют Академию прежде всего в недемократичности, в том что она «резко отстаёт от демократических процессов в обществе».

Извечную проблему сочетания демократии с поиском научной истины замещают примитивной мыслью о пользе демократии в любой форме, в любой ситуации. Живой, хотя, быть может, и больной организм приносят в жертву фантому демократии, понятию, которое и объяснить-то толком не могут. Пресса иронизирует над тем, что учёные Академии наук СССР «не определились» в понятии «демократизация». Согласно опросу, действительно, 80 % учёных затрудняются определить понятие «демократизация» в отношении науки. И это – признак здравого смысла и ответственности, за которые общество ещё будет благодарно учёным.

Научная истина не может быть найдена путем голосования и в этом смысле её поиск, если хотите, недемократичен. Процесс научного познания – это почти всегда противостояние меньшинства, а то и одиночек – большинству. Не следует забывать, сколь дорого обошлось нашему обществу внедрение популистского понятия демократии в науку «народными академиками» типа Лысенко. Да, Академия наук по самому своему типу является организацией стабильной – именно потому и смогла она собрать и защитить учёных в самые трудные периоды нашей истории. В условиях разрухи, гражданской войны наш народ, государство и учёные нашли силы, чтобы сохранить для России науку. В 1918–1919 годах было открыто 33 новых крупных института, которые вошли в костяк нашей

научной базы. В 1920 г. в Саратове Николай Иванович Вавилов на съезде селекционеров сделал свой гениальный доклад о гомологических рядах, и в том же году доклад был издан. А сегодня умирают эти институты, обанкротились научные издательства.

В те годы сообщество учёных совершило научный и патриотический подвиг, обеспечивая страну знанием в труднейших условиях. Сейчас же, к горечи нашей, Академия наук оказалась в беспрецедентной ситуации, когда якобы от имени общества с ней была начата жесткая борьба, которая быстро превратилась в борьбу на уничтожение. Но общество на это мандата не давало, и оно ещё предъявит свой счёт.

Третий раз за советский период Академия наук подвергается разрушительным ударам под флагом радикальной демократизации. Она была ненавистна деятелям из Пролеткульта и экстремистам из Наркомпроса – но тогда Ленин строго-настрого запретил кому бы то ни было «озорничать около Академии». Тяжёлые потери понесла Академия наук на рубеже 20–30-х годов – в годы так называемого «великого перелома». В тот период выдающиеся учёные – президент АН СССР А.П. Карпинский; вице-президент А.Е. Ферсман, непреходящий секретарь С.Ф. Ольденбург и другие члены академии с риском для жизни и свободы боролись за неё и сумели сохранить, идя на личные жертвы и вынужденные компромиссы.

Сегодня вновь считается возможным бросать общие по форме и абсурдные по существу обвинения целым социальным институтам и группам, даже отделять их от академического сообщества. Академию наук СССР, сознательно и грубо искажая реальность, стали представлять маленькой «империей зла». В прессе создан обобщённый мифический образ чванливого учёного, неинтеллигентного, малограмотного, с ущербным мировоззрением. Такая технология создания в массовом сознании образа врага (в данном случае – Академии наук) примитивна и хорошо изучена. Здесь нет не только ни капли действительной критики, но даже и концептуальной пропаганды, а есть только стремление расколоть сообщество максимально простыми и грубыми приёмами.

Раз за разом выдвигались требования отставки Президиума. Но не потому, что он плохо ведёт дела академии, несостоятелен в научном плане – это были бы естественные для научной системы обвинения. Нет! Он был негоден, ибо недостаточно активен в сугубо политических делах!

Я сказал в докладе Общему собранию АН СССР: «Если сейчас, в ходе преобразования государственных структур, мы допустим распад Академии наук СССР как целостного организма, потерю её кадрового потенциала – всей науке страны будет нанесён непоправимый ущерб. И даже когда будет преодолен политический и экономический кризис, страна без собственной

сильной науки подняться не сможет». Это предупреждение, к сожалению, не вызвало никакой реакции ни власть имущих, ни демократической общественности. Положение ухудшилось, и мы с полным правом обращаемся с этими словами уже к российскому руководству.

Разрушение советской науки будет тяжёлой потерей и для всего мирового научного сообщества – мы можем сказать это без всякой самонадеянности и пресловутого мессианского оттенка, а исходя из системных представлений. Лишь СССР и США обладали национальной наукой с целостным научным фронтом – а это особое качество. Даже такая мелочь, что кроме США лишь СССР издавал систематические реферативные журналы по основному циклу дисциплин, имела большое значение для мировой науки. Многие учёные Запада понимают, что ослабление науки нашей страны – это ослабление фронта всей мировой науки, и необходимо как можно скорее предложить межгосударственную программу по её сохранению, а не просто составлять прогнозы массовой эмиграции наших учёных.

Общество переживает кризис. Меняется тип государственного устройства, хозяйственный механизм, повсюду видны разрывы в преемственности общественных институтов, разломы социальных и экономических структур. Всё говорит о том, что как раз сейчас целесообразно использовать академию как Ноев ковчег для спасения сердцевины нашего научного потенциала. Бездумно экспериментировать, радикально трансформировать академию именно сейчас – это недалёковидно, а с точки зрения долговременных национальных интересов – глубоко ошибочно. Нужно преодолеть годами формировавшуюся невосприимчивость сферы материального производства к научным достижениям. Может быть, это сделает рынок, но к работе в условиях рынка необходимо серьёзно готовиться, ибо он преподнесёт науке ещё не один сюрприз.

Изъяны и недостатки в академии есть, перемены необходимы. Но существуют объективные законы жизни сложных систем, какой является и наша академия. Менять в ней что-либо надо осмотрительно, ибо полностью предсказать последствия каждого шага никто не в силах. И если что-то идёт не так, надо вовремя остановиться и, проведя анализ, найти иное решение. Те, кто пытается навязывать сложной системе свои жесткие и однозначные планы и темпы, закономерно приводят её к разрушению.

Сегодня, когда завершается почти трехсотлетний путь Академии наук Российской империи и СССР и вступает в жизнь новая, формирующаяся в трудных условиях Академия России, непозволительно лукавить. И надо ясно представлять, что и Российская Академия так же, как в последние годы АН СССР, будет ареной действий трёх основных сил.

Первая состоит из тех, кто пытался проводить необходимые изменения в рамках последовательных эволюционных реформ, кто пытался сохранить необходимые для выживания нашей науки структуры. Они сегодня представлены обществу как ретрограды. Нам не хватило проницательности, умения и твёрдости. Мы были слишком зависимы от власти, верили в её благие намерения и понимание национальных задач. Потомки предъявят нам за это справедливый счёт и будут правы.

Вторая сила – радикалы, имеющие мощную идеологическую поддержку прессы. Они уверены, что имеют право разрушить это «имперское образование». Вероятно, они искренне верят, что построят потом «цивилизованную» науку, например, западного типа. Но на развалинах первым вырастает чертополох, а до культурных растений дело может не дойти. Думаю, уже нынешнее поколение поймет, что в данном случае мы имеем дело с разрушителями отечественной науки.

И, наконец, третья сила – «молчаливое большинство», от позиции которого будет, в конце концов, зависеть судьба нашей науки и нашей страны. К этому большинству учёных я и обращаюсь. До сих пор вы поддерживали, часто пассивно, радикальные проекты. Пришло время с позиций научной логики оценить результаты и тенденции процессов, запущенных при вашем участии. Они ещё не стали необратимыми, есть возможность влиять на ситуацию.

К руководству приходят новые люди, не отягощённые ошибками, не обклеенные ярлыками. Помогите им сформулировать фундаментальные, конечные цели и критерии, помогите им освободиться от дешёвых сиюминутных лозунгов.

То руководство, которое уходит, освободилось от многих иллюзий, накопило ценный, хотя и болезненный опыт. У нас есть концепция системы мер, направленных на выживание ядра отечественной науки, на её последующее возрождение. Это не предвыборные обещания, а основанные на анализе социальной и экономической ситуации предложения. Они исходят из жестоких реальностей сегодняшней России. Дать пропасть этому опыту и не обсудить советы уходящих известных ученых – значит, потерять ещё один шанс из столь немногих.

Если посмотреть на последний период жизни Академии наук, то любой непредвзятый наблюдатель отметит, что и без «великих потрясений» пройден немалый путь. Вспомним хотя бы о новом статусе академии, который закреплён Указом Президента страны. Значительно изменилась и социальная система академии. Ведь всё, что и сейчас говорится о диктате Президиума – это легенда, и вы все это прекрасно знаете. Повысилась роль учёных советов в институтах, да и сами советы стали органами,

избираемыми научными сотрудниками. Но, конечно, здесь есть ещё проблемы, и они всегда будут в развивающемся сообществе.

Что же касается создания будничных условий для работы учёных, то мы, насколько позволяли экономические и политические условия, шли по пути раскрепощения институтов, обеспечения множественности источников финансирования и возможности научного предпринимательства. И здесь не мы отставали от ритма реформ в стране.

Напомню те инициативы, которые уже начали реализовываться, и их нужно обязательно развивать.

1. Существенное расширение прав институтов Академии наук в области создания своих структур и распоряжения собственностью и средствами, выделяемыми государством на фундаментальные исследования. Повышение роли творческих коллективов.

2. Создание федерального фонда фундаментальных исследований страны и фондов фундаментальных исследований суверенных республик с системой независимой экспертизы для финансирования научных исследований.

3. Кардинальное научно-техническое обновление наших лабораторий и укрепление связи с высшей школой, лучшими научно-производственными коллективами страны. Повышение роли членов-корреспондентов академии.

4. Коренное изменение системы взаимодействия учёных СССР с мировым научным сообществом. Обеспечение возможности получения исследовательским группам прямого финансирования из-за рубежа.

Многое уже сделано, в противном случае кризис в академии ощущался бы несравненно острее. Надеюсь, новое руководство подойдет к этому вопросу прагматически, и будет способствовать развитию прогрессивных тенденций.

Кризис Академии наук СССР – это, прежде всего, кризис нашего Союза. Чтобы выйти из него новое государство и большинство граждан должны заняться энергичным строительством общего дома. А наш гражданский долг в этой трудной работе – сохранить жизненно важный элемент общества – его науку. Не дать пресечься её корню, ибо без науки нового дома не построить.

Хотел бы завершить это выступление – последнее выступление последнего Президента Академии наук СССР, взглядом в будущее. Нелегкий путь, полный ежечасной работы и трудного поиска предстоит пройти нашему научному сообществу в ближайшие годы. На нём ждут нас

не только успехи и обретения, но и неизбежные разочарования и утраты. Осилит ли мы его? Я думаю, осилит. Залогом этому служат интеллектуальная мощь нашего сообщества, присущее ему понимание интересов народа и стремление служить благу России, всего народа!

Декабрь 1991 г., Москва